

Савёлова Л. А.

ОСНОВЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТНЫХ НАРЕЧНЫХ СИСТЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/72.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 175-178. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тельных, прилагательных, глаголов, наречий, междометий, фразеологизмов и безлично-предикативных форм и не действует для числительных и местоимений;

в) дефинирование посредством *филолого-энциклопедического определения* действует для *существительных, прилагательных, глаголов, фразеологизмов и безлично-предикативных форм* и не действует для *наречий, числительных, местоимений и междометий*;

г) комбинированное дефинирование посредством *литературного синонима и развернутого лингвистического толкования* действует для *существительных, прилагательных, глаголов, наречий, местоимений и фразеологизмов* и не действует для *числительных, междометий и безлично-предикативных форм*;

2) в направлении *от типов вокабул к типам дефиниций*:

а) вокабулы - *существительные, прилагательные, глаголы и фразеологизмы* могут семантизироваться посредством всех типов дефиниций - *литературным синонимом, развернутым лингвистическим толкованием, филолого-энциклопедическим определением и комбинированной дефиницией* - *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием*;

б) вокабулы - *наречия* могут семантизироваться *литературным синонимом, развернутым лингвистическим толкованием, и комбинированной дефиницией* - *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием* и не могут семантизироваться *филолого-энциклопедическим определением*;

в) вокабулы - *числительные* могут семантизироваться только *литературным синонимом*, и не могут семантизироваться всеми остальными типами дефиниций - *развернутым лингвистическим толкованием, филолого-энциклопедическим определением и комбинированной дефиницией* - *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием*;

г) вокабулы - *местоимения* могут семантизироваться только *литературным синонимом и комбинированной дефиницией* - *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием* и не могут семантизироваться *развернутым лингвистическим толкованием и филолого-энциклопедическим определением*;

д) вокабулы - *междометия* могут семантизироваться только *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием* и не могут семантизироваться *филолого-энциклопедическим определением и комбинированной дефиницией* - *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием*;

е) вокабулы - *безлично-предикативные формы* могут семантизироваться только *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием* и не могут семантизироваться *филолого-энциклопедическим определением и комбинированной дефиницией* - *литературным синонимом и развернутым лингвистическим толкованием*.

Таким образом, лексико-грамматический тип жаргонной вокабулы накладывает определенные ограничения на тип дефиниции, или, другими словами, тип дефиниции проявляет определенную зависимость от типа вокабулы. Здесь полностью свободна от типа вокабул (1) дефиниция посредством *литературного синонима* (9 позиций из 9); далее по уменьшению степени зависимости идут: (2) дефиниция посредством *развернутого лингвистического толкования* (7 позиций из 9), (3) *комбинированная дефиниция* посредством *литературного синонима и развернутого лингвистического толкования* (6 позиций из 9) и (4) дефиниция посредством *филолого-энциклопедического определения* (4 позиции из 9).

В заключении необходимо отметить, что авторы-составители совсем не использовали дефиницию посредством *нелитературного синонима-жаргонизма*, а также другие теоретически возможные комбинации названных типов дефиниций: (1) *литературный синоним + филолого-энциклопедическое определение*, (2) *лингвистическое толкование + филолого-энциклопедическое определение* и (3) *литературный синоним + развернутое лингвистическое толкование + филолого-энциклопедическое определение*.

Список использованной литературы

1. **Дубичинский В. В.** Теоретическая и прикладная лексикография. - Вена-Харьков: Gesellschaft für Förderung slawistischer Studien, 1998. - 160 с.
2. **Мокшенко В. М., Никитина Т. Г.** Большой словарь русского жаргона. - СПб.: «Норинт», 2000. - 720 с.
3. **Ожегов С. И.** Вопросы лексикологии и лексикографии // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. - М.: Высшая школа, 1974а. - С. 228-244.
4. **Ожегов С. И.** О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. - М.: Высшая школа, 1974б. - С. 158-182.

ОСНОВЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТНЫХ НАРЕЧНЫХ СИСТЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Савёлова Л. А.

Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Современная система русского наречия является результатом многовекового развития языка. Существенные изменения не только в составе единиц наречной системы, но и в её устройстве прослеживаются в ближайшей диахронии. А. Б. Пеньковский установил, что «с 70-х годов XIX в. адвербиальная сфера, функционировавшая на началах свободного варьирования, подвергается кардинальным преобразованиям» [Пень-

ковский 2004: 288] и в результате различных процессов семантической и функциональной дифференциации она превращается в высокоорганизованную систему.

Комплексное изучение семантики и прагматики наречных единиц ставит задачу учёта формы и условий общения. Различные формы коммуникации являются членами функциональной парадигмы языка, которая имеет сложную структуру, не укладывающуюся в одно измерение. В соответствии с таким описанием наречная система современного русского языка может быть спроецирована на его функционально-социальную парадигму и представлена как множество частных реализаций в различных вариантах национального языка.

Для решения задач интегративного описания языка и его единиц важным в свете современных парадигм научного знания является целостное описание на единых основаниях различных вариантов реализации языка, на это указывает, в частности, В. Е. Гольдин [Гольдин 2000: 54]. Охватить все без исключения сферы функционирования языка при этом чрезвычайно сложно, в силу хотя бы отсутствия строгой определённости в разграничении этих сфер. Примером подобного рода суммарного, интегративного подхода к описанию единиц русского языка может служить монографическое исследование Р.И. Розиной, изучившей модели семантической деривации глаголов движения и обладания в русском литературном языке и сленге [Розина 2005].

Возможны различные пути такого комплексного описания определённого участка языковой системы, которое показывало бы зоны и характер вариативности единиц соответствующего уровня. Это может быть описание «от идиома» (от микросистемы), предполагающее накопление результатов целостного анализа конкретных вариантов языка. Подобное изучение сопоставимых в рамках национального языка идиомов на основе общих методологических принципов позволит индуктивно установить инвариантные и варьируемые компоненты описываемого участка языковой системы. Другой вектор описания - «от макросистемы» - направлен на моделирование макросистемы таких признаков языковых единиц, которые в идеале исчерпывают сегменты описания определённого участка языковой системы. Установление представленности / непредставленности и характера представленности данных признаков в конкретных идиомах также служит способом выявления инвариантных и варьируемых компонентов описываемого участка языковой системы. По словам Б. А. Успенского, «когда говорят о языке в целом, то обычно имеют в виду некоторую максимальную систему противопоставлений, которая в полном виде может не быть представлена ни в одной из тех конкретных подсистем, на которые распадается данный язык - но лишь во всей их совокупности» [Успенский 1997: 37]. Именно такой способ комплексного описания наречной системы русского языка, реализуемой разными его функционально-социальными вариантами, соответствует задачам нашего исследования.

Для обозначения варианта реализации языка в тех или иных социокультурных условиях на синхронном срезе методически удобно использовать термин *частная система*, давая ему функциональную трактовку и понимая под ним такой вариант общеязыковой системы, который какими-то элементами совпадает с другими её вариантами, а какими-то отличается от них. Основателем и идеологом такого подхода к описанию русского языка является Р. И. Аванесов, ср.: «можно говорить не только о частных системах отдельных русских говоров, но также и об общей системе русского языка в целом со всеми его говорами. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные, и, с другой стороны, черты, в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия» [Аванесов 1949: 10]. В нашем исследовании термин *частная система* экстраполируется в область научного представления наречия.

Под *частной наречной системой* (ЧНС) понимается функциональный, социальный, территориальный или индивидуально-авторский вариант актуализации наречной системы национального языка.

Наречная система русского языка в целом может быть представлена как множество ЧНС. Квалификатор «частная» в составе термина ЧНС передаёт относительный характер выделения системы, что делает термин гибким и применимым к различным по степени отвлечённости разновидностям языка (и его наречной подсистемы) в аспекте сложных иерархических внутриязыковых отношений. Так, система литературного наречия является частной по отношению к наречной системе национального русского языка и в то же время общей (макросистемой) по отношению к системам книжно-литературного и разговорно-литературного наречий и т.д. Иначе говоря, ЧНС может представлять собой иерархическое множество элементарных наречных систем, а может совпадать по своим границам с одной элементарной наречной системой.

Элементарность наречной системы может задаваться различными параметрами, например: 1) ограниченностью территории распространения (наречная система говора); 2) минимальным количеством носителей языка (идиолектная наречная система); 3) минимальным количеством форм речевой реализации (система наречий какого-либо речевого жанра) и т.д.

Таким образом, предельными вариантами ЧНС в рамках национального русского языка будут следующие: а) минимально - элементарная наречная система; б) максимально - наречная система той или иной формы существования языка (литературного языка, просторечия, сленга, территориальных диалектов и др.).

Комплексное описание наречной системы русского языка может иметь своим объектом ту или иную совокупность ЧНС, выделяемую по определённому (единому) основанию. Условно говоря (если иметь в виду указанные пределы ЧНС) - это может быть совокупность элементарных ЧНС, либо совокупность ЧНС «среднего звена», либо совокупность ЧНС разных форм существования языка.

Обозначим в самом общем виде состав ЧНС современного русского языка. Поскольку в научной интерпретации функционально-социального членения русского языка существуют расхождения, в силу сложно-

сти и подвижности самого объекта моделирования, мы не сможем избежать условности в систематизации. Подчеркнём также, что представляем только один из возможных вариантов определения состава ЧНС современного русского языка.

В границах *общерусского языка* выделяются частные наречные системы литературного языка и просторечия, они противопоставлены частным наречным системам социолектов и территориальных диалектов. Кроме того, частные реализации системы русского наречия представлены такими особыми образованиями переходного типа, как полудиалекты, региолекты, язык русского зарубежья, ксенолекты, естественная письменная речь, детская речь. Каждая из них подвергается дальнейшей дифференциации с функционально-стилистической точки зрения. Кроме того, в каждой из них могут быть выделены гендерные варианты ЧНС, каждая имеет варианты индивидуального варьирования. Частные наречные системы как по составу единиц, так и с точки зрения их функционирования не могут быть абсолютно гомогенными, поскольку «никакой коллектив говорящих на данном языке не бывает унифицирован на уровне идиолектов» [Калнынь 1988: 69]. Отметим также, что многоуровневость и разнонаправленность иерархического моделирования русского этноязыка выражается и в координатах *стандарт - субстандарт - нестандарт* [Кёстер-Тома 1993: 15]; особое измерение, не укладывающееся в рамки остальных, представляет собой противопоставление художественной и нехудожественной речи.

Таким образом, возможны разные варианты социального и функционального шкалирования при описании структуры национального языка и объединение тех или иных разновидностей языка под разными углами зрения. Ядро наречной системы составляет ЧНС общеупотребительного варианта русского языка, лексический состав которого не полностью совпадает с литературным языком и к которому приближаются некоторые просторечные единицы, например, *втихаря, намедни, по-нашенски, маленько, туда-сюда*.

В рамках нашего исследования ставится задача описания на единых основаниях общерусского, диалектного и сленгового вариантов адвербиальной системы русского языка. Соответственно, объектом исследования являются три ЧНС.

Описание строится на основе анализа конкретных наречий и их групп. Оно осуществляется с учётом внутрисистемных связей в рамках определённой ЧНС и межсистемных соответствий/расхождений (при сравнении разных ЧНС). Исследование направлено также на выявление совокупности признаков, позволяющих, во-первых, целостно представить наречную систему русского языка, и, во-вторых, установить постоянные (системообразующие на уровне общеязыковой системы наречия) и варьируемые элементы этой системы.

Для характеристики роли и места наречной лексики в означивании тех или иных фрагментов семантического пространства языка, а также для уточнения состава самих этих фрагментов необходимо построение многоступенчатой семантической классификации наречий. Вершинные рубрикаторы классификации соответствуют сложным семантическим категориям, согласно этому на первом уровне членения наречия делятся на количественные, квалификативные, пространственные, временные, причинные, целевые, модальные. Классификация более низких ступеней должна, по возможности, отражать двойственную природу наречий некоторых семантических групп. Например, наречия типа *вдвоём, втроём* помимо количества участников обозначают совместность действия (образ действия), то есть включаются и в количественные, и в квалификативные. Представляется целесообразным совместить эту классификацию с тем членением смыслового пространства русского языка, которое, согласно концепции Н. Ю. Шведовой, означено местоимениями [Шведова 1998]. Наречия вовлечены в реализацию ключевых смыслов, означенных следующими исходными местоимениями: *когда, где, откуда, докуда, отколе, доколе, сколько, насколько, как, зачем, почему, отчего*. При этом наречия из смысловой области *как* есть среди количественных (*вдвое, поровну*), квалификативных (*кувырком, по-русски*), модально-оценочных (*удивительно похож, наверняка*), пространственных (например, дистанционных *далеко, близко*) и временных (*поздно, рано*). В этом, в частности, проявляется сложность организации смысла, означенного словом *как*.

Однако сказанное в полной мере справедливо только по отношению к общерусской и диалектной наречным системам. Сленг избирателен с точки зрения репрезентации семантических категорий наречными средствами. Очевидным является относительно небольшое количество сленговых наречий по сравнению с общерусским языком и диалектами. При этом лексически заполненной является только зона смысла 'как', в которой преобладают модально-оценочные наречия: с одобрительным значением 'хорошо' - *грамотно, забойно, зыко, клёво, нехило, ништячно, отпадно, цивилично* и др.; с неодобрительным значением 'плохо' - *лажово, стрёмно, фигово* и др.; со значением 'очень' (о высокой степени опьянения) - *в дрова, в дугу, в дым, вдрыбаган, в лапшу, в ушат, в хлам* и др.; со значением 'точно, обязательно' - *вточняк, железно, наверняка, наверняка, стопудово* и др.

Менее разнообразны группы наречий, называющих образ действия (*пёхом, пешкотурой*), последовательность действий (*первачом, первяком* 'сначала'). Единичны случаи «выхода» наречия, хотя и не окончательного, за пределы смысловой зоны 'как': *сквозняком* 'везде, повсюду'; *с ранья / со сранья* 'с раннего утра'. Целевое значение реализуется единицами типа *нафиг, зафига* (и одноструктурными), которые помимо функций вопросительного слова с недифференцированным значением 'зачем/почему' выполняют роль экспликаторов отрицательно-риторической прагматической составляющей высказывания: *нафиг мне это надо* 'мне это не надо = я не хочу этим заниматься / в этом участвовать и т.д.'

Таким образом, выявление семантической дифференцированности наречной лексики в разных вариантах наречной системы русского языка позволяет установить наличие лакун в реализации общей семантической классификации, а также вариативность в лексическом заполнении смысловых сегментов.

Интегративный подход к описанию наречия выводит также на характеристику его грамматической семантики. Наречия, безусловно, отличаются по своей роли в семантической и коммуникативной структуре высказывания и по выражаемым синтаксическим отношениям.

Здесь мы остановимся на одном из аспектов «внепредложенческой» грамматической характеристики наречия. Наречная лексика образует зону развитой функционально-грамматической омонимии. В связи с этим при моделировании системы различительных признаков, по которым могут быть сопоставлены или противопоставлены частные наречные системы русского языка, предлагается учитывать грамматическую одно- или многофункциональность слова. Например, способность словесного знака быть и наречием, и инстантивом (*плохо*) и, соответственно, иметь при этом различную семантико-синтаксическую природу в пределах одного идиома.

Приведём пример. В рамках функциональной омонимии наречия и имени существительного есть такой тип парадигмы, которая объединяет наречие и форму прямого падежа имени (Adv - N₁).

В общеупотребительном варианте языка данный тип парадигмы представлен, но существуют лексические ограничения. В отношении функционально-грамматической омонимии с наречиями включены только некоторые существительные - *страх, ужас, страсть, смерть*. В функции наречий эти слова передают экспрессивное усилительное значение 'очень'.

В территориальных диалектах, с одной стороны, наблюдается соответствие с литературным языком (*б'еда много л'уд'ей*), с другой стороны, в указанный тип функционально-грамматической парадигмы включаются существительные других семантических классов: *большинство* 'преимущественно' (*погл'ад'иш / фс'о бол'шынство дома она; бол'шынство с'ено кос'ила*); *часть* 'частично' (*он тут помок ил'и можот йа ч'ас't' помогла*). Примеры приведены их архангельских говоров.

В сленге этот тип функционально-грамматической парадигмы представлен словами с суффиксом -'ак (*верняк, железняк, точняк*), которые в функции наречий передают значение 'точно, непременно' и выступают прагматическими маркерами уверенений адресата в надёжности обещаний, предположений и т.п.

Таким образом, значимость категориальных грамматических наречных значений, проявленная в их системных связях с другими частями речи, не совпадает в различных ЧНС русского языка. Анализ функционально-грамматической парадигмы словесного знака позволяет целостно представить семантико-синтаксические парадигматические связи наречий в пределах одной ЧНС и показать различия в функционально-грамматическом потенциале единиц в разных ЧНС.

Исходной единицей интегрального описания семантики и прагматики наречия может быть не только различительный признак, служащий основанием для сопоставления разных ЧНС, но и конкретные наречные лексемы, рассмотренные в проекции на функционально-социальное варьирование наречной системы русского языка.

Список использованной литературы

1. **Аванесов Р. И.** Очерки русской диалектологии. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. - Ч. 1 - 335 с.
2. **Гольдин В. Е.** Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня: Сборник статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. - М.: Азбуковник, 2000. - Вып. 1. - С. 53-65.
3. **Калнынь Л. Э.** К проблеме изучения вариативности в диалекте. Фонетический уровень (на материале говора, включённого в сетку ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1984. - М.: Наука, 1988. - С. 65-98.
4. **Кёстер-Тома З.** Стандарт, субстандарт, нонстандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика. - Берлин, 1993. - № 2. - С. 15-31.
5. **Пеньковский А. Б.** Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 464 с.
6. **Розина Р. И.** Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол / Р. И. Розина. - М.: Азбуковник, 2005. - 305 с.
7. **Успенский Б. А.** Избранные труды: В 3 т. / Б. А. Успенский. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - Т. III: Общее и славянское языкознание. - 800 с.
8. **Шведова Н. Ю.** Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. - М.: Азбуковник, 1998. - 176 с.

ЯЗЫК КАК УНИКАЛЬНАЯ МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА

Салмина Л. М.

Казанский государственный университет

В конце XX - начале XXI века изучение языка в качестве *общего когнитивного инструмента* [Кубрякова и др. 1996: 53] приобрело огромную популярность, а «когнитивная лингвистика» стала расцениваться как